

Роман Тихонов

**Настоящие
животные.
Запах**

18+

Роман Тихонов
Настоящие животные.
Запах страха

<https://litres.ru/74570804>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лес становится всё гуще и пути назад нет.

И зверям и людям становится хуже, мир гнется, а реальность искажается.

Стая раскололась, пару лет назад, и до сих пор не может выживать вместе.

Содержание

Глава 1: Одиночество	4
Глава 2: Стая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Роман Тихонов

Настоящие животные.

Запах страха

Глава 1: Одиночество

Я проснулся в сером доме, пропитанном мерзким и одновременно приятным запахом. Он цеплялся за ноздри, въедался в шерсть, оседал на языке- гнилая сырость, смешанная с чем-то тёплым, почти съедобным: старым хлебом, пролитым молоком, каплей мёда, успевшей засахариться и потемнеть. Этот запах был чужим, но в нём угадывалось что-то знакомое- будто когда-то, очень давно, я уже вдыхал его, стоя на пороге, ещё не решаясь войти. И теперь он снова тянул меня внутрь, манил и отталкивал одновременно, как запахи падали, от которой нельзя оторвать нос.

Голову ломило- не как от удара, а изнутри, будто череп стал тесным, а мысли, тяжёлые и вязкие, давили на кости, пытаясь вырваться наружу. Я собрал силы, втянул воздух глубже, чтобы прогнать дурноту, и, зарывав сквозь зубы от натуги, встал. Лапы дрожали, когти царапнули пол- сухой, шершавый, будто доски давно не видели ни воды, ни ног, только пыль и время.

Оглядевшись, я вспомнил старый дом, откуда шли дети. Они сюда заходили. И нашли еду. Мою. МОЮ. МОЮ ЕДУ.

Слово вспыхнуло в груди горячей волной, и я зарычал- не громко, но низко, так, что звук прокатился по горлу и застрял где-то в груди, тяжёлый, как камень. Это была не просто еда- это был мой запас, моя надежда на завтра, на тот день, когда лес станет совсем пустым, а снег - слишком глубоким, чтобы гнаться за зайцем. Я помнил каждую крошку: жёсткий сухарь, который я прятал под половицей; банку с помутневшим вареньем, крышку которой я зубами сдвигал миллиметр за миллиметром, чтобы не разбить стекло; даже корку, уже покрытую пушком плесени, я берёг- голод не разбирает, что грызть, лишь бы внутри стало теплее.

А они пришли, маленькие, шумные, с топотом и смехом, будто дом был не ловушкой, а игровой площадкой. Их следы ещё виднелись на полу- крошечные вмятины, где пыль легла иначе, где дерево чуть потемнело от влаги с их ботинок. Я провёл лапой по одному отпечатку- он был тёплым, будто память о них ещё держалась в дереве. И от этого стало ещё злее.

Комната была тесной, с низким потолком, который давил на макушку, заставляя пригибаться даже мне. Окна- мутные, словно затянутые изнутри тонкой плёнкой, будто кто-то пытался замазать их изнутри, но не доделал. Сквозь них пробивался тусклый свет- не дневной, не живой, а какой-то выцветший, будто солнце само старалось не смотреть сюда. В

углу темнел шкаф с перекошенной дверцей, из щели тянуло затхлостью и чем-то кислым- возможно, там до сих пор лежали остатки того, что они не успели унести.

Я подошёл к тайнику- к той самой половице, которую я чуть приподнимал когтем, чтобы не скрипела. Она лежала на месте, но щель была шире. Кто-то дёргал её, торопился, не думал о тишине. Сердце ударило раз, другой- глухо, тяжело, как копыто по мёрзлой земле. Я поддел доску, поднял... и увидел пустоту. Только пыль, осевшая ровным серым слоем, и след- не мой. Чья-то маленькая рука копалась здесь, пальцы скользили по дереву, хватали, тянули. И забрали всё.

Запах их страха ещё витал в воздухе- тонкий, солоноватый, почти незаметный, но для меня он был громче крика. Они боялись. И всё равно брали. Потому что голод сильнее страха. Я знал это чувство. Но от этого не становилось легче.

Тишина после рыка была тяжелее самого рыка. Дом молчал. Не так, как молчит лес перед бурей, когда звери замирают, а воздух становится густым от ожидания. А так, будто он уже знал, что произошло, и теперь просто ждал, что будет дальше. И в этой тишине я вдруг почувствовал себя не хозяином, не охотником, а гостем- незванным, лишним, тем, кому здесь не место.

Я обошёл комнату, прижимаясь боком к стенам, вдыхая каждый запах, пытаюсь выцедить из них хоть крупицу смысла. На подоконнике лежала пуговица- круглая, зелёная, с четырьмя дырочками. Я толкнул её лапой- она покатилась,

звякнула о стекло и замерла. Кто-то её потерял. Или бросил. Или оставил как метку.

За окном тянулся лес- тёмный, плотный, будто сшитый из теней. Ветви сплетались, закрывая небо, и между ними не было просвета, только узкие щели, в которых мерцал тусклый свет. Я знал этот лес. Это наш лес. Каждый куст, каждую тропу, каждый запах. Но сегодня он казался другим- не просто знакомым, а насторожённым, будто деревья прислушивались, склоняясь друг к другу, шепча о чужаках, которые пришли и забрали моё.

Я остановился у двери, положил лапу на холодную ручку. Металл был липким от времени, покрытым тонким слоем ржавчины, которая прилипала к шерсти. Дверь не хотела открываться- петли скрипели, как старые кости, и каждый звук резал слух. Я рванул сильнее, и дверь поддалась, распахнулась, выпустив из дома его тяжёлый, затхлый вздох.

Холод ударил в нос, пробрался под шкуру, заставил шерсть встать дыбом. Снег лежал плотным, ровным ковром, не тронутым ни лапами, ни ногами- кроме тех самых следов, что вели от дома в лес. Они были свежими, чёткими, будто отпечатались только вчера, хотя я знал, что прошло больше времени. Дни сливались, как капли воды, теряли границы, и я не мог сказать точно, сколько я спал, сколько бродил, сколько раз возвращался к этому дому, надеясь, что в этот раз всё будет иначе.

Следы вели прочь. Но я не пошёл по ним. Вместо этого я

сел на пороге, опустил голову и втянул воздух, пытаясь поймать хоть один запах, который скажет мне, куда идти. Лес молчал. Только ветер шевелил ветки, и они скрипели, как те петли, будто весь мир состоял из одних скрипов и пустот.

Одиночество легло на плечи тяжёлым плащом- поверх моего шерстяного пальто, которое я давно перестал снимать. Оно было грубым, свалывшимся, местами слипшимся в твёрдые комки, царапавшие кожу под мехом, как тупые когти. Но без него я был просто зверь. А зверь- это добыча. В пальто же я становился чем-то иным, тем, от чего замирали даже самые дерзкие. Пуговицы из старой кости- жёлтые, с тёмными прожилками, похожими на засохшие капли крови- тихо постукивали при каждом движении: тик... тик... тик... Каждая была разной- одна круглая, как сустав, другая продолговатая, как зуб, третья с неровными краями, будто отколота от чего-то большего. Этот мерный звук будто отсчитывал не время, а расстояние до того, что мне предстояло найти.

Мех мой был жёстким, колючим, похожим на иглы, растущие внутрь- в кожу, в мясо, в кости. В нём запутались сухие веточки, кусочки коры, клочья мха, тонкие полоски лишайника, серебрившиеся на шкуре, как мёртвые украшения. Я давно перестал их вычёсывать: чем больше сора- тем лучше. Чем больше леса на мне- тем меньше меня видно. А когда меня не видно, я становлюсь лесом. А лес- это не добыча. Лес- это то, чего боятся.

На некоторых длинных полосках коры, застрявших в шерсти, виднелись тонкие царапины- неровные, будто проведённые когтем по мягкой поверхности. Знаки. Не буквы- я не знал букв и не хотел знать. А знаки, которые значили что-то, что нельзя было сказать голосом: "Я был здесь", "Это моё", "Не ходи дальше". Большинство из них были незаконченными- рука дрожала, коготь срывался, или тьма сгущалась раньше, чем я успевал довести черту до конца. Недосказанность не беспокоила. Лес не требует завершенности. Лес требует присутствия.

Я опустил голову и посмотрел на свои лапы те, что ещё были лапами. Пальцы на них давно перестали быть просто-пальцами: когти вытянулись, загнулись, заострились, превратившись в тонкие изогнутые лезвия, которые блестели даже в тусклом свете этого мёртвого дома. Они были из льда- или из чего-то, что только выглядело как лёд: прозрачного, с голубоватым отливом, холодного даже на вид. Я не помнил, когда они стали такими. Может, всегда. Может, изменились постепенно, по мере того, как менялся я сам- медленно, незаметно, шаг за шагом, зима за зимой, пока зверь не стал чем-то, для чего нет названия ни в одном языке, кроме самого древнего, который давно забыт.

Лезвия на пальцах тихо звенели, когда я сжимал кулак- тонко, хрустально, как если бы два ледяных стекла коснулись друг друга. Этот звук я слышал чаще, чем собственное дыхание. Он стал частью меня, как пульс, как рык, как шаги

по снегу. И всякий раз, когда я протягивал руку- за едой, за добычей, за тем, что хотел взять,- этот звон говорил за меня раньше, чем голос. Он говорил: я здесь. Я не уйду. Я возьму то, что хочу.

В кармане пальто - том самом, который я протягивал, когда хотел предложить конфеты,- лежало несколько штук. Не сладких. Не настоящих. Тусклые обёртки, на которых не было названий, только странные узоры- переплетённые ветви, трещины на льду, линии, похожие на те, что я царапал на коре. Конфеты были холодными, безвкусными, с привкусом пепла и железа. Я не знал, зачем их носил. Может, потому что когда-то кто-то дал мне такую- давно, когда я ещё был просто зверем, без пальто и без лезвий, и вкус её был сладким, тёплым, как молоко. А теперь они были просто формой, в которой не осталось содержания. Но я всё равно носил. Потому что привычка- это единственное, что остаётся, когда больше ничего не остаётся.

Пальто пахло. Не шерстью, не сыростью- чем-то другим, более глубоким, более старым. Гнилью. Тлением. Тем, что скапливается на дне ям, куда годами падают листья, ветки, тела мелких животных. Этот запах шёл не от ткани - он шёл из меня, пропитывал пальто насквозь, въедался в каждый шов, в каждую нить, и стал неотличим от моего собственного запаха. Я не замечал его, как не замечают дыхание, но другие- звери, птицы, люди- чуяли его издалека, и он заставлял их замирать, потому что организм узнавал его раньше, чем

мозг успевал понять: это запах того, что ест. Того, что уже не дышит. Того, что осталось после.

Я поднялся, встряхнулся, и пальто отозвалось - тяжело, глухо, будто внутри него что-то сдвинулось, перекатилось, заняло новое место. Пуговицы стукнули: тик... тик... тик... Кора и мох, запутанные в шерсти, осыпались мелкими крошками, и снег вокруг меня на секунду стал не белым, а серым - от мусора, от следов моего присутствия, от тех самых незаконченных знаков, которые я носил на себе, как карту местности, которой нет ни на одном плане.

Лезвия на пальцах блеснули - холодно, безжалостно, как два осколка зимнего неба, в которых нет ни тепла, ни разума, только тихий, ровный отсчёт. Я шагнул в снег. Следы вели в одну сторону. Я пошёл в другую - туда, где запах был чище, где ветер не нёс чужого страха, а только холод и хвою. Туда, где, возможно, ещё оставалось что-то моё - отшельника, живущего зверем с незапамятных времён Или где я смогу это найти.

Я шёл на запах плоти. Своей добычи.

Глава 2: Стая

Мы ворочались у тропы. Втроём. Я, Лиса и Свинья.

Ветер гнал по земле сухой снег, он шуршал, как старая бумага, и цеплялся за всё подряд - за ветки, за камни, за наши одежды, будто хотел оставить на нас свою метку, чтобы потом легче было найти. Тропа под ногами была твёрдой, промёрзшей, местами покрытой тонкой коркой льда, которая хрустела под каждым шагом, выдавая нас лесу. Я старался ступать так, чтобы хруст был тише, чтобы слиться с этим шумом, стать его частью, а не чужаком.

Я стоял чуть впереди, в меховой куртке, тяжёлой и грубой, будто собранной из кусков самой зимы. Мех был тёмным, почти чёрным, с редкими проседями седины - не от возраста, а от копоты, от дыма костров, от пепла, который оседал на всём, что долго не снимаешь. Куртка была мне велика - плечи нависали, рукава собирались в складки, но я не подгонял её. В этой мешковатости была защита: если когти скользнут по ткани, они не найдут кости. Швы на куртке стягивали кожаные ремешки - потемневшие, задубевшие от влаги, они врезались в мех, как старые шрамы. На груди, там, где сердце, ткань была протёрта до тонкой подложки - я часто тёр это место, сам не зная зачем, будто пытался стереть какой-то старый страх. Под курткой лежала плотная рубаша из грубой ткани, её края были подвёрнуты и прихвачены верёв-

кой, чтобы не мешали, но она всё равно кололась, напоминая о каждом движении, о том, что я ещё жив, что чувствую.

Шерстяные штаны были плотными, колючими, из той самой шерсти, что не греет, а держит холод снаружи, не пуская его к коже. Они пахли дымом и солью - запахом долгого пути. На бёдрах были нашиты лоскуты грубой кожи: не украшение, а броня. Я помнил, как цеплялся ими за коряги, как скользил по склонам, как прижимался к земле, когда ветер гнал по лесу не только снег, но и чужие голоса. По низу штанов тянулась бахрома - размочаленные нити, которые цеплялись за каждую травинку, за каждый сухой стебель, будто хотели удержать меня на месте, не пустить дальше. Иногда я наклонялся и обрывал эти нити, но они тут же появлялись снова, как будто сама дорога нарочно цеплялась за меня, не желая отпускать.

Лиса была в своей оранжевой шубе - яркой, как кусочек заката, застрявший среди серых стволов. мех переливался: от тёмно-рыжего у корней до почти янтарного на кончиках, и даже в тусклом свете зимнего дня казалось, что от неё исходит собственное тепло. Шуба была короткой, едва прикрывавшей бока - не для красоты, а для скорости: длинные полы мешали бы петлять между деревьями и уходить от погони. Воротник был поднят и прихвачен тонкой серебряной цепочкой - единственной вещью, которая выглядела не как защита, а как память о чём-то давно ушедшем. На рукавах виднелись потёртости - там, где Лиса цеплялась за ветки, ко-

гда прыгала с дерева на дерево, и кое-где мех был выдран ключьями, обнажая плотную подкладку из тёмной ткани. Её движения были резкими, нервными, будто сама шуба подгоняла её вперёд, шептала: "Беги, беги, не стой". В кармане шубы она всегда носила маленький острый камень - не оружие, а талисман, который она сжимала в кулаке, когда становилось по-настоящему страшно.

Свинья носила пальто - тяжёлое, из грубой шерсти, пропитанной воском, чтобы не пропускать влагу. Правый рукав был заметно шире остальных: он был скроен специально под её громадную руку, и ткань на нём натягивалась так, что швы едва сдерживали натяжение. На левом рукаве, напротив, ткань висела свободно, собираясь в тяжёлые складки, будто пальто было сшито для кого-то другого, а Свинья просто забрала его себе, когда прежний хозяин больше не нуждался. Пуговицы на пальто были из тёмного дерева, крупные, с неровной резьбой - казалось, их вырезали вручную, в спешке и без особого старания. На груди темнело пятно - то ли от пролитой крови, то ли от чего-то более тёмного; Свинья никогда не рассказывала, откуда оно взялось, а спрашивать никто не решался. Полы пальто волочились по снегу, оставляя за ней широкую полосу, будто она тащила за собой часть самого дома, который когда-то согревал её. Под пальто на ней была плотная вязаная кофта - старая, растянутая, с дырками на локтях, но Свинья берегла её, потому что она пахла домом, которого больше не было.

Лиса вдруг замерла, подняла голову, и её нос дёрнулся, улавливая запах, который для остальных был лишь холодным ветром.- Лось! Я чую... - воскликнула она, и голос её прозвучал не как крик, а как предупреждение - резкое, короткое, без лишних слов.

Я ждал этого момента - не потому, что верил в удачу, а потому, что знал: в нашей стае каждый запах - это шанс, а каждый шаг - риск. И сейчас этот риск пах мясом и жизнью, и мы не могли его упустить. Но для меня этот запах был не просто запахом добычи. Он был запахом меня самого - густой, тяжёлый, с примесью пота и страха, с тонкой нотой железа, которая появляется, когда ты слишком долго бежишь и слишком редко останавливаешься. И от этого запаха мне становилось не легче, а тяжелее: я знал, что рано или поздно кто-то из нас пойдёт по моему следу. И, возможно, это будет не враг. А добыча.

Свинья тяжело вздохнула, и из её рта вырвалось облако пара, которое тут же рассеялось в холодном воздухе. Она опустила голову, проверяя, не зацепилось ли что-то за пальто, и я заметил, как её пальцы на мгновение коснулись тёмного пятна на груди - будто она хотела его стереть, спрятать, сделать вид, что его нет. Потом она подняла глаза и посмотрела на меня, и в этом взгляде не было ни страха, ни восторга, только спокойная готовность - такая, какая бывает у тех, кто уже столько раз делал этот шаг, что он стал привычным, почти незаметным.

- Готов? - тихо спросила он, не повышая голоса, будто боялась спугнуть сам воздух.

Я кивнул, не потому что был готов, а потому что остановиться сейчас значило признать, что мы зашли слишком далеко и уже не сможем вернуться. А возвращаться нам было некуда.

Лиса уже сделала первый шаг вперёд, её шуба мелькнула ярким пятном среди серых стволов, и лес будто вздрогнул, пропуская её. Снег под её лапами не хрустел - он словно расступался, давая ей дорогу. Я посмотрел на свои лапы, на пальцы, сжимавшие край куртки, и почувствовал, как холод пробирается под мех, как он ищет щели, чтобы проникнуть глубже. Но я не поёжился. Я просто шагнул следом, и тропа приняла меня, как принимает каждого, кто решается идти дальше, даже если не знает, куда ведёт эта дорога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.